

БЕСКОНЕЧНО ИЗМЕНЧИВЫЕ ОБЛАКА: ТВОРЧЕСКИЕ МИРЫ ХУДОЖНИКА

У каждого художника-живописца есть свои тематические и образные пристрастия. П. В. Маслеников работал в жанре пейзажа, и его всегда привлекала природа – причудливая и оригинальная, наполненная движением, пластикой естества, сочетанием закономерного и стихийного начала. Любимыми ракурсами его пейзажной живописи, расширяющими духовные и образные горизонты творчества, любимыми художественными образами были земля, вода и небо.

В небесной стихии его всегда восхищали и потрясали облака. Всматриваясь в заоблачную высь, он всегда видел и отмечал непревзойденную красоту, каждый раз восхищаясь: «Смотри! Какие облака! Вот бы «уловить» это состояние и передать на холсте!» Постоянно обращал внимание окружающих: «Вот, попробуй, перенеси на холст! Постоянная изменчивость цвета, света, они все время в движении. Если бы я только мог все это зафиксировать, изобразить, выразить в масле».

В восторге и изумлении он запечатлял то таинственное, безграничное и вечное, что влечет художника к дальнейшему познанию и освоению бесконечности природы. Свет и движение, лучезарность и беспредельность световременного пространства – вот те универсалии, которые вдохновляли и воодушевляли художника на творческий замысел.

Пристальное созерцание окружающего мира приближало художника к постижению реального многообразия этого мира в пределах духовно-практического освоения.

Облака как символ вечности, величия и совершенства природы репродуцировались в живописных полотнах в множественном разнообразии их пластических, цветовых, объемных и фигурных состояний. Казалось, они были написаны без всякой подготовительной работы, в состоянии вдохновения. Но такой легкости живописного письма предшествовали постоянные наблюдения, непрерывное накопление визуальных впечатлений и духовных усилий, неповторимое личностное отношение к миру.

П. В. Маслеников много путешествовал, и в этих путешествиях с ним всегда был этюдник. «Его» небо и «его» облака многообразны,

многоцветны, колористически богаты. В них отражается ландшафт и духовный уклад многих городов и стран, облик архитектуры и природной картины в разные сезоны и время суток.

«Облачный день» – так называются два пейзажа, написанные в разные годы (1982 и 1990), и отражающие разные световые эффекты. На первом «рваные» облака плывут по яркой синеве солнечного неба, бросая теневые пятна на деревья и кустарник. На втором – облака, словно в дымке затянули всю небесную высь, создавая настроение тихой грусти, мечтательности. Такие, казалось бы, едва уловимые световые эффекты трансформировали визуальный облик атмосферного дневного состояния и внутреннее настроение художника.

Грузные, плотные, объемные облака нависли «Над полями» (1992). Их сконцентрированная мощь завораживает и как бы раскрывает, дешифрует сезонное время позднего лета, созревающей хлебной нивы, вобравшей в себя животворящие истоки небесной и земной силы.

Пейзаж «На исходе дня» (1988) вводит зрителя в какое-то нереальное состояние. Облака напоминают мифические существа, собравшиеся плотной массой и летящие над спокойной водной гладью. Чуть заметные вдалеке паруса застыли в вечерней тишине. Несмотря на скрытую напряженность настроения, на тяжелые облака, предвещающие дожди и грозы, уравновешенные в единой цветовой гамме тона и великолепно сбалансированная композиция придали работе умиротворенное очарование и духовное спокойствие. Желтовато-охристые отблески на облаках и их отражение в воде привлекают и завораживают. Художественный образ иносказательно-метафоричен и пробуждает в нас ассоциации с чем-то необычным, словно пришедшим из других миров.

Отношение художника Масленикова к природе как к предметному миру подкреплялось устремлениями искусствоведа Масленикова проникнуть в философские глубины осмысления природных таинств. Этому способствовало увлечение философией Гегеля. В сохранившихся конспектах выписаны наиболее близкие художнику мысли немецкого философа: «Художественное созерцание началось с удивления. (Человек, которого ничего не удивляет, находится в состоянии оупелости.)» «Предметный мир (реки, звезды, небо), возведенный в представление, приобретает форму всеобщности». «Сначала раскрытием всеобщности служит природа, ее явления, где человек только предчувствует абсолютное

и делает для себя наглядным его в форме предметов природы». «Знание себя есть принцип свободы».

Переосмысливая слова Гегеля о том, что «метафора – сокращенное сравнение. Она дает образ, при этом опуская смысл, который упоминается без определения в образе», П. В. Маслеников фиксирует собственный вывод: «Искусство – это метафора: изображение природного и чувственного высказывает духовное и человеческое».

Сквозь бесконечно изменчивые облака художник наблюдал «Знойный день» (1993) и «Позднюю осень» (1981), «Вечер на Припяти» (1982) и «Заколосившуюся рожь» (1973).

Густые, тяжелеющие облака «Знойного дня» привлекают взгляд сочетанием белесо-голубых оттенков, их низким нависанием над летним цветущим полем, что раскрывает предчувствие ожидаемого дождя.

Иное настроение в работе «Поздняя осень». Это тонкий пейзаж в пастельных тонах. Ледяная прозрачность первых заморозков изображается с помощью разных оттенков голубого и серого. Облака рефлексированы розовато-лиловыми тонами. Природа замерла перед наступлением зимы.

Вглядываясь в два пейзажа – «Припять – водная артерия Полесья» (1987) и «Вечер на Припяти» (1982–83) – невольно возникает сравнение. Кажется, что мольберт художника устанавливался в одном месте – так схожи линия берега, выступающий мыс напротив, поворот русла. Но эмоциональное состояние разное. На первом – холодный ветреный день, солнце давно спряталось за тучи, свет померк, бегущие облака сгущаются, бросая глубокую тень на водную гладь. Есть здесь нечто таинственное, беспредельное и мощное. На втором – тихий вечер, сквозь вечерние тучи и протяженные тени высвечиваются отблески заходящего солнца. В этой полной спокойствия сцене отдается дань красоте безлюдной природы.

Проявления природы безграничны. Ее образ в искусстве, внешне единый и внутренне противоречивый, многолик, разнообразен, наполнен реальными абрисами и загадочными явлениями. Загадка таится во многом, в том числе и в том, почему художники стремились и стремятся отобразить образы природы в своем творчестве.

Когда открывалась последняя юбилейная выставка (1994 г.) П. В. Масленикова в Могилеве, один из руководителей области

задал вопрос: «Павел Васильевич, почему Вы так много и часто пишете небо и облака?» На что Павел Васильевич очень мудро ответил: «Облака – это Вселенная, Космос. Они переносят нас в иной мир, мир вечности, недостижимости и непостижимости. Облака вовлекают в мечту, фантазию, философию. Через облака мы контактируем, воссоединяемся с высшими силами. От облаков и неба мы получаем энергию, жизненную силу».

Творческий мир П. В. Масленикова был наполнен радостными и счастливыми моментами соприкосновения с окружающей природой: земля, водные просторы, небо Беларуси вызывали у него чувства любви, родственности и восхищения перед их совершенством и величием.

Ощущение радостного, урожайного лета отразилось в работе «После дождя» (1993). Легкие, омытые недавним дождем облака, высвобождают небесную синеву, озаряя ржаное поле теплыми лучами. Блики солнечного света отражаются в дождевой воде, заполнившей дорожные ухабы. Но как скоротечно это летнее небо!

Совсем другим бывает небо зимой. Оно как бы сливается с землей, со снежным покровом, инеем на деревьях, создавая иллюзию отрешенного спокойствия. Таков пейзаж «Иней» (1981).

Великолепная работа «Над Тисой» (1967). Заснеженные Карпаты вздымаются в небо. Картина впечатляет силой мгновенного воздействия. Будто бы с высоты птичьего полета видишь во всей объемности заснеженные горы и безданы пропасти, заоблачную высоту и глубину земных недр. Возможно, художник проник в таинство всеобъемлющей природы, когда человек чувствует себя маленькой частицей вселенского бытия. Картина завораживает, гипнотизирует, увлекает в свой мир, в многоголосное разновысотное звучание. Чувствуешь воздушную неподвижность морозного вечера и сам будто бы оказываешься в этом воздушном пространстве, слышишь звонкую тишину горных массивов, видишь сияние, отблеск последних дневных лучей.

Снежные лавины застыли в движении радужного сияния. Бело-розово-голубые мазки в контрапунктическом созвучии с матовой синевой елей отражают текучесть и относительность времени, в котором сложно измерить вечность и изменчивость. Цветовая гамма не яркая, выдержанная в строгом едином колористическом созвучии, воспринимается нами, зрителями, будто бы через вуаль морозной дымки. Но в этой цветовой сдержанности можно

услышать полифоническое звучание единой темы, настроение внутреннего состояния художника, его духовного мира.

Очень красива работа из цикла «Родной край» «Накануне весны» (1995). Безоблачное, низко опустившееся небо будто бы подсвечено лучами просыпающегося весеннего солнца. В напряженном ожидании скорого таяния последний хрупкий лед поддерживает отважных рыбаков.

Путешествуя бесчисленное количество раз по Прибалтике, П. В. Маслеников отразил в живописи то таинственное и вечное, что дает возможность и необходимость дальнейшего освоения безграничного бытия и познания природы. Пейзаж «Балтика» (1982) стал своеобразным транслятором чувств и эмоционального состояния художника. Пылающие краски полотна сродни счастью и умиротворенности жизни. Выразительность горизонтальных звучаний, динамика нюансов передают музыку небесного света, звучащую где-то за пределами пережитых впечатлений.

Тайна тайн слияния «Земного» и «Небесного» метафорически приоткрывается в миниатюрной работе «Море» (1972). Ее небольшие размеры (16x23 см) усиливают плотность звучания излюбленной темы-мотива художника. Под бесконечно изменчивыми облаками перекачиваются свинцовые волны Балтийского моря. Парящая между небом и водными просторами птица символизирует свободный полет, мечту и грезящиеся дали, стремление ввысь, к небу, к свету.

Крымское небо, чаще всего безоблачное, привлекало П. В. Масленикова фантастической игрой небесного и водного пространства. В двух пейзажах – «Полдень. Гурзуф» (1979) и «К вечеру» (1983) – ракурс взгляда художника направлен из одной точки обзора. Но эмоциональное состояние разное. Тени, в полдень отбрасываемые бегущими по просторному небу светлыми облаками, приглушают цветофонное звучание Черного моря и выявляют лишь контуры горы Медведь.

К вечеру эта же гора как бы растворяется в дымке спустившихся облаков. Модуляция тона просветляется на переднем плане, раскрывая некие глубинные отношения природных явлений. В этой работе художник демонстрирует визуальную чувствительность, почти не отличимую от импрессионистической.

Самым незабываемым впечатлением в жизни П. В. Масленикова был его поход на Алтай. Он туда отправился один – поездом до Бийска, а потом пешком с огромным рюкзаком, этюдником и

рулоном холстов за плечами. По его воспоминаниям, Алтай произвел невероятнейшее впечатление. Это не эффектный Крым, не разноцветный, декоративный Кавказ, не теплые влажные Карпаты. Горный Алтай суров – скалы, камни, медведи, стада баранов, змеи. Одному было даже жутковато и страшно. Перед тем как начать писать этюд, он бросал камни, чтобы распугать змей. На его глазах происходили чудеснейшие претворения. Утром тучи опускались низко-низко, над водой Телецкого озера (в переводе с монгольского Золотое озеро), кое-где прорезались солнечные лучи. Скученно поплыли густые облака. Одно зависло возле скалы, открылся кусочек чистого неба. По утру холодно, застыла морозная роса, все белым бело. Но взошло солнце – и все растаяло, жара. Чудо превращений!

Именно такое суровое облачное небо отражено в работе «Мосты через Катунь» (1972). Свинцовое небо, застывшая земля, бурый, «тяжелый» колорит, которой углубляет образ сурового края. Катунь протекает у подножья Алтайских гор, которые приняли художника и помогли ему обрести мужество, проявить силу духа.

Своеобразной благодарностью стал созданный им пейзаж «Песня гор» (1972). Светлое небо, редкие облака освещают горный массив, оставляя солнечные блики на вершинах. Водный поток искрится охристо-бирюзовыми бликами быстротечной реки.

Живописные полотна П. В. Масленикова, сохранившие впечатления о поездке в Индию и Непал, можно назвать рапсодиями света, цвета и динамики колористических нюансов. «Вечер в Дели» (1976) запечатлен под сенью легкой цветной дымки небесной выси. Своеобразие восточной архитектуры, динамичная яркость южной зелени переданы с подлинностью визуального впечатления художника, страстно влюбленного в видимый мир.

Красота спокойного, прозрачного неба, подернутого легкими облаками, привлекает внимание в пейзаже «Вечер в Индии» (1976). Эта работа притягательна общим колоритом – почти монохромно желтым цветом неба и земли с интервальным звучанием зелени деревьев и голубизны отдаленных гор. Этот золотистый свет и плавный, с текучей пластической линией ритм изображения делает пейзаж таким поэтическим.

В основе пейзажа «Непал. В предгорьях Гималаев» (1976) лежит драматургия света и тени, задающая основную тональность данной картине. Чудесная пелена перламутрового оттенка заполняет пространство, тем самым объединяя земную твердь и небесную

высь. Гималаи почти парят в облаках, что можно сравнить с приподнятым эмоциональным состоянием художника, его готовностью приобщения к сущему, таинственному, истинному.

Объездив и запечатлев многие страны и края, Павел Васильевич вновь и вновь возвращался к природным образам родной Беларуси. Под его кистью оживала история родной земли. Под высокими мятущимися и просветленными облаками возвышается христианский храм в Ракове («Раков», 1988).

В первых лучах раннего утреннего неба, сквозь облака высвечивается крепостной вал древнего замчища Минска, окруженного водами Немиги («Древний Минск», 1987).

Ввысь бесконечно изменчивых облаков устремляется стела Кургана Славы, воспевающего героизм славянских народов («Земля белорусская», 1973).

Последней, незавершенной работой П. В. Масленикова стала небесная заоблачная высота. Густые, объемные, многослойные облака высвечивают едва заметную, лишь намеченную кистью художника фигуру ангела, от которой исходят потоки лучей, соединяющих небо и землю, вселяющих веру в человека, художника, его творческие миры.